

Анна и Татьяна Аксинины

Рулетка для Золушки

Детективный роман

18+

Анна Аксинина

Рулетка для Золушки

«Автор»

2007

Аксинина А.

Рулетка для Золушки / А. Аксинина — «Автор», 2007

Марина Белых с энтузиазмом берется помочь своей подруге по Университету Ирине в подготовке к предстоящей свадьбе. Но это невинное занятие оборачивается столкновением с криминалом. В опасные ситуации попадают не только Ирина, но и Марина и её гости из Новосибирска. Ирина Савельева записала в своем дневнике: «Всего два месяца назад я горевала, что в моей жизни нет ничего интересного. А сейчас я могу только сожалеть о той жизни. Произошло столько событий, погибли люди, фактически из-за меня, хотя я и не виновата. Невольно я оказалась втянута в этот трагический водоворот и спаслась только чудом. Чудо это называется любовью..."

© Аксинина А., 2007

© Автор, 2007

Анна Аксинина, Татьяна Аксинина

Рулетка для Золушки

2004 г.

«По жизни я неудачница. Так я сама считаю. Нет, я не бомж. У меня есть крыша над головой, работа. Но живу я не в Москве, а в Жуковском в небольшом частном домике с удобствами на улице. И ничего интересного в моей жизни нет».

Ирина перечитала запись в дневнике и посмотрела на дату. Потом перелистнула до чистой страницы и написала.

«Всего два месяца назад я горевала, что в моей жизни нет ничего интересного. А сейчас я могу только сожалеть о той жизни. Произошло столько событий, погибли люди, фактически из-за меня, хотя я и не виновата. Невольно я оказалась втянута в этот трагический водоворот и спаслась только чудом. Чудо это называется любовью. Она, как цветок, может произрастать и на навозной куче. Но я не способна принять эту кучу, значит, должна отказаться и от цветка. Я сделаю это сегодня же – и будь что будет».

Ирина оставила общую тетрадь на столике и вышла. Хлопнула входная дверь. Сквозняк влетел в форточку и быстро пролистал исписанные страницы.

По жизни я неудачница. Так я сама считаю. Нет, я не бомж. У меня есть крыша над головой, работа. Но живу я не в Москве, а в Жуковском в небольшом частном домике с удобствами на улице. И ничего интересного в моей жизни нет.

Начнем с работы. Я закончила факультет журналистики Университета. Ни одного дня не работала по специальности. В начале лета, когда я получила новенький, пахнущий краской диплом, мне пришлось срочно устраиваться на работу. Я отправила резюме по агентствам и считала, что мне, как с неба, посыплются предложения, одно другого выгоднее. Ничего интересного не предлагали. Я устроилась в школу, преподавать русский язык и литературу. Я не могу постоять за себя, поэтому я промолчала, когда старые учителя у меня отобрали часы по литературе, оставив один предмет «русский язык». Расписание мне составили неудобное, с «окнами». Я промучилась год и летом стала снова искать работу. Деньги у нас с мамой иссякали, таяли, словно песок между пальцев. Мою беспечную маму такое положение вещей мало беспокоило, как впрочем, и прочие проблемы нашей жизни.

Весной умерла бабушка, на которой держалась вся наша небольшая семья: бабушка, мама и я. После смерти бабушки выяснилось, что мы задолжали почти всем соседям, когда делали ремонт домика. Я распродала кроликов, за которыми ухаживала бабушка, немногие украшения, которые имелись у нашей семьи. Рассчитавшись с долгами, я обнаружила, что надо срочно закупать дрова и уголь, забор почти повалился. Поэтому, когда мне предложили временно поработать в издательском доме «Катрен» делопроизводителем, я сразу согласилась. Деньги были не ахти какие, да и работа неинтересная, но я успокаивала себя, что это временно. Но, как говорится, нет ничего постоянного временного. Скоро сотрудники бухгалтерского отдела, где я трудилась, поняли, что на мне можно «ездить», как на ломовой лошади, и все быстренько стали этим пользоваться. Я из делопроизводителя превратилась в полубухгалтера, но, естественно, за прежнюю зарплату. Коллектив у нас был чисто женский, все дамы были семейные: кто имел мужа и детей, кто одних детей, но всем было некогда оставаться после работы, некогда выходить в выходные. Могла только одна Ирочка, то есть, я.

Моя начальница, Аглая Кузьминична, долго собиралась на пенсию. Несколько лет она заявляла чуть ли не каждый день: «Вот доработаю до..., а там уйду на пенсию, буду жить на даче и так далее». Сначала она хотела доработать до Нового года, потом до майских праздников, потом до ноябрьских, и так по кругу. Я мечтала: «Вот уйдет Аглая Кузьминична на

пенсию, заместителя поставят на ее место, а начальницу отдела сделают замом и пойдут по отделу перестановки». Я думала, что должно же начальство, в конце концов, отметить, какая я аккуратная, исполнительная, как много знаю и умею. Должны меня повысить в должности, дать оклад повыше. Но прошел год, затем другой. Аглая Кузьминична рьяно трудилась на ниве бухгалтерского учета, видя свою пенсию только во снах.

Я попыталась найти работу приличнее. Тайком от сотрудников я купила газету с объявлениями. В первом же месте, куда я пришла на собеседование, меня критически осмотрела модно одетая с ярким макияжем дама. «Нет, Вы нам не подойдете. Вы маленького роста». На мой вопрос, а причем здесь рост, дама назидательно мне сказала, «ну, Вы же должны быть лицом нашей фирмы, оказывать клиентам дополнительные услуги». После ее слов, я вышла на улицу, как оплеванная. Рост мой 165 сантиметров, и я не считала раньше, что я маленького роста. Я не собиралась устраиваться на работу, чтобы оказывать дополнительные услуги, знаю я, что это за услуги. Написали лучше бы сразу, что не секретарь им нужен, а девушка легкого поведения с внешностью модели и параметрами 90- 60- 90. После первой неудачи я не пошла больше ни на какие собеседования, отложив это дело «на потом». Такой у меня характер, «дурной», как называет моя мама. Бабушка говорила, что чересчур серьезная и собранная, что привыкла все делать основательно и капитально, но я легкоранимая, поэтому любая неудача выбивает меня из колеи.

А теперь самое печальное: про мою внешность. Я была, есть и буду невезучая. Ведь мне с самого рождения не повезло. Не унаследовала я маминой привлекательности. Главное, все говорят, что мы с ней похожи. Только чуть- чуть серее глаза, оттенком отличаются волосы, крупнее нос, сильнее выпирает подбородок, и над ним сильнее выдается нижняя губа, – и готово дело. Она – миленькая, сексапильная, обаятельная. А я – страшенькая, невзрачная, неразговорчивая. Она – голубоглазая блондинка, а я – серая мышка. Мы с мамой одного роста, но пропорции разные. У нее фигурка – изящная, ноги длинные, коленочки острые. А у меня туловище крупнее, а ноги – короче, и толще, чем у мамы. А колени, вообще лучше не упоминать, – толстые, круглые.

К тому же, я – умная, а для женщины это недостаток. Вечно все анализирую, копаюсь в себе и людях, не могу относиться к жизни так, как мама. Про меня Шурик Васильев, с которым мы вместе год проучились в университете, пока его не отчислили, так и сказал, что я – «девушка тяжелого поведения». А вот мама – наоборот. Впрочем, она меня родила, и я ее никогда ни перед кем порицать не стану. Раньше, бывало, с бабушкой разговоримся – и перемываем ей косточки, а потом она вдруг спохватится, оборвет разговор: «Ой, что это я дочь против матери настраиваю!» А теперь бабушки нет, не с кем посоветоваться. Ни – по хозяйству (а все на мне: и дрова, и уголь, и ремонт крыши, и за свет платить), ни – по жизни.

Мать мне – не советчик, и я с нее пример брать не собираюсь. Подумать только! Шесть раз замуж выходила, это, насколько мне известно, а может, и больше. А теперь притихла: из дома – на работу, с работы – домой. Даже странно. Тетя Лида, соседка наша, хотела ее подковырнуть, спросила, когда ты, Нюра, опять замуж, а она говорит, подожду, седьмой раз должен быть счастливым. И улыбается. Как с гуся вода! Говорит, сперва Ирочку пристроить надо. Скажет тоже! Во-первых, поздно мне женихов ловить, двадцать шесть стукнуло, а старая дева, между прочим, с двадцати одного считается. Во-вторых, не с моими данными хвостом крутить. А в-третьих, я вообще не выношу этого: смешки, ухмылочки, глазками стрелять из-под челочки. К слову сказать, у меня и челки нет: терпеть не могу, когда на лице или шее что-то болтается. То ли дело – гладкая строгая прическа, как у ведущей программы «Время» Екатерины Андреевой. На первом курсе я еще «хвост» на макушке делала, а сейчас привыкла закалывать в «шишечку»: удобно, ничего не мешает.

Боже мой! Первый курс: время надежд и ожиданий, эйфория от успешного поступления в Университет, где я собиралась не только получить образование, но и встретить спутника

жизни. Замдекана выбрала меня старостой группы. На этом, пожалуй, радости кончились. В группе оказалось всего три мальчика, из них только два – достойных внимания, третий – такой увалень, тормозной какой-то. С первого дня всем стала заправлять троица чересчур богатеньких и бойких девиц: кокетливых, развязных, бесцеремонных. Они постоянно делили наших дефицитных мальчиков, а тем это безумно нравилось, а третьего дразнили.

Марина Белых, с которой мы тогда дружили, тоже была внешне скромная девушка, а внутренне – глубокая и содержательная. Нет, внешность у нее и тогда была гораздо ярче моей. Длинные пышные волосы, заплетенные в косу, темные брови и ресницы, светло-карие широко расставленные глаза. Мне вообще нравятся широко расставленные глаза, как, например, у артиста Кайдановского. Не то, что мои, сбежавшиеся к носу. Да, Марина, бесспорно, была вполне привлекательная девушка. Не удивительно, что в нее с первого взгляда влюбился один парень-старшекурсник по фамилии Зайков. И она по-настоящему влюбилась в него и в марте собиралась замуж. Она одну меня из группы пригласила на свадьбу, но свадьба не состоялась: жених оказался подлецом и сбежал. Я сразу приняла меры: сказала нашим главным сплетницам, что Марина застучала Зайкова с другой девушкой и прогнала его с глаз долой, чтобы они к ней с расспросами не лезли, почему больше не встречается. Мне было очень жаль Марину, но ее новый облик мне не нравился: слишком короткая стрижка, широкая «бесполая» одежда. Это как-то отдавало нигилизмом: не вышло с браком, так решила вообще не быть женщиной.

Да, Марина могла бы стать моей подругой, но не сложилось. На втором курсе наша группа сильно изменилась. Из трех бойких девиц двоих отчислили еще зимой, а одна родила без брака и ушла в академический отпуск. Весной отчислили Шурика, а Юрик куда-то перевелся. Зато вышли из академотпуска сразу двое взрослых (после армии) парней: Аркадий и Слава. Они задали совсем другой тон. Рядом с ними и наш толстячок, над которым больше никто не издевался, оказался вполне нормальным, приударил за Настей, а потом они поженились. В целом группа изменилась в лучшую сторону: все стали спокойнее, доброжелательнее, налегли на учебу. Вместо походов в ночные клубы, которые лично мне были не по карману, мы пристрастились к лыжным прогулкам и скромным пикникам.

Спортивная, активная, Марина приобрела авторитет, а я, напротив, стушеввалась. Много сил и времени занимала дорога, да еще хозяйство: огород, кролики. Мы все больше отдалялись. Но она не страдала от одиночества. Кроме сестры, о которой я могла только мечтать, она дружила с Настей и Светой, да еще и нашла компанию в МВТУ имени Баумана. Да что лицемерить! Главная причина, конечно, была в том, что она оттеснила меня от работы в факультетской газете. Замдекана Валентина Сергеевна, которая хорошо ко мне относилась, была по совместительству техническим редактором. Она мне пообещала это место. Я уже радовалась: и практика журналистской работы и пол-ставки лаборанта. А главный редактор, профессор Георгий Федорович Лепешинский, оказывается, уже выбрал Марину. Валентина Сергеевна была уверена, что он меня возьмет, я стояла за дверью и слышала весь их разговор. Когда она предложила меня, он сказал, что в Марине больше жизни, огонька, задора. Конечно, он был прав, но от этого не менее обидно. Марине я, конечно, ничего не сказала, мы вообще к тому времени только здоровались, а она про нашу дружбу и не вспомнила.

Все это закономерно, я была, есть и буду неудачницей. Еще когда мы дружили, Маринка про меня анекдот сочинила, она вообще легко их сочиняла. Мы тогда делали лабораторную работу по оргтехнике, я три раза набирала текст в WORD-е, и снова не успевала записать, как он пропадал. А она мне анекдот рассказала.

Чингачгук, Виниту и Верная Рука Друг Индейцев сидят в вигваме и курят трубку мира. Ночь, тишина. Вдруг снаружи доносится подозрительный шум. Чингачгук вышел из вигвама, раздался звук удара, он вернулся с шишкой на лбу. Следом вышел Виниту, раздался звук удара, он вернулся с шишкой на лбу. Потом вышел Верная Рука Друг Индейцев, раздался один звук

удара, ругательство, второй звук удара, второе ругательство. «Только бледнолицый, – сказал Чингачгук, – способен дважды наступить на одни и те же грабли».

– А теперь скажи, кто способен наступить на одни и те же грабли трижды? Не знаешь? Только бледнолицая.

Конечно, дело не в том, что у меня в доме не было компьютера, я действительно такая и есть: «бледнолицая». И я, кажется, готова «наступить на грабли».

Так я и жила, два часа тратила утром, чтобы добраться на работу, два часа вечером – с работы. А потом домашние заботы, которые сложила на меня мама. И никакой личной жизни.

Когда в начале лета со мной стали происходить странные события, я сначала не обратила внимания, не связала вместе эти происшествя. Какая-то тревога всплывала в подсознании, но я отмахивалась от нее, как от назойливой мухи. Этого не может быть, потому что, этого не может быть со мной. Почему я не забеспокоилась сразу, как только в мою жизнь стало вторгаться такое, что могло произойти только в кино, но никак не с маленькой неприметной мышкой, такой как я? Может, не было бы этих смертей, и сама я не висела бы сейчас на волосок от гибели.

* * *

«Кто бы мог подумать, что беременность – такое мучительное состояние! Не зря говорит наш народ «в тягости ходить». Тягость, порой, затмевает радость. А ведь я так гордилась и радовалась, что наконец у нас с Андреем получилось. Уже боялась, что кто-то из нас бесплодный, хотя мама меня подбадривала.

Нет, до чего же хорошо ходит Маша! Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Она даже полнеет как-то равномерно вся: плечи и бедра округлились, грудь выросла, – и не так заметен живот.

А я вся похудела, глаза ввалились, а живот – весь на виду. А эти пигментные пятна – только успевай замазывать, тюбик тонального крема кончается. Неделями так тошнит, что ничего есть не хочу, кроме кефира, яблок и капусты квашеной. И бесполезно что-то через силу в себя запихивать – все равно обратно выскочит. Недавно селедки захотелось, так Андрей целую банку приволок, открыл, поставил, тарелочку, вилочку подал, радовался, что у меня аппетит проснулся. А я съела три кусочка – и все. Вот сегодня в обед еле-еле уговорила свой организм, что творожок очень полезен, а сейчас все время наचेку».

Марина устало выпрямила спину и отвернулась от компьютера. Надо сделать небольшой перерыв. Марина прошла по комнате, разминая затекшие плечи. Статью надо успеть сдать к следующему номеру еженедельника «Кредо».

Журнал «Кредо» подарил им на свадьбу свекор. Журнал в то время был неплохо раскручен. Марина и Андрей с головой окунулись в новое для них дело. Им с Андреем даже удалось увеличить тираж и поднять популярность журнала. Последняя придуманная ими рубрика «Мир не без добрых людей» имела ошеломительный успех. Андрей предложил писать небольшие рассказы о добрых и бескорыстных поступках. Он считал, что, найдутся люди, которым когда-то помогли в тяжелых для них ситуациях. И эти люди захотят отблагодарить своих спасителей, обязательно напишут в журнал.

Марина и Андрей не ожидали такого отклика. Журнал завалили письмами. Многие письма, к сожалению, не годились для рассказов, но были и очень интересные. Одно из таких писем лежало сейчас на столе перед Мариной. Письмо было написано подробно и обстоятельно, делать нечего, написать рассказ по такому материалу. Но статья выписывалась с трудом.

Год назад они с Андреем приобрели небольшую типографию и рекламное агентство. Расширяя свое дело, они даже не предполагали, сколько хлопот и забот свалится на них. В условиях жесточайшей конкуренции Андрею приходилось «биться» за каждого заказчика, искать выгодные договоры. Постоянные командировки, отлучки. По неволе часть своих редакторских

обязанностей мужу пришлось переложить на плечи жены. Нет, Марине нравилась ее работа, но беременность выбивала ее порой из колеи. По поводу того, что они с сестрой практически одновременно решили завести детей, в семье слагали анекдоты и шутки. А они не сговаривались, так получилось. И обследование на УЗИ показало, что у них с Машей мальчишки. Муж Маши, Олег Ярославский, гордо заявил, что он и не сомневался в том, что у него будет сын. А Марина хотела девочку. Муж, подлизав, притворно утешал Марину, а на лице написано просто, как он рад, что у Марины мальчик, а не девочка. Впрочем, не важно, кто будет, лишь бы был здоровым.

«А как он будет здоровым, если этот дурацкий токсикоз не кончается? С едой – проблемы, зато спать хочется постоянно. Раньше неделями спала по шесть часов, иногда и по четыре, а теперь мне уже восемь часов мало, надо девять-десять. Да где же их взять? Кстати о сне. Какой-то придурок мне два раза уже спать мешал. Звонит в час примерно и шепотом в трубку: «Берегись!»»

Я рассказала Ульянке, а она говорит: «Я думаю, что это Бронислава, поганка эдакая, хулиганит». Ульянка Сорокина в редакции самый близкий мне человек. Я с ней, Игорем Переделкиным и Андреем одновременно познакомилась, еще в его старой маленькой газете. Ульянка тогда сразу мне предсказала, что мы с Андреем поженимся.

Эта самая Бронислава уже работала в журнале «Кредо», когда мы к ним пришли: Андрей – владельцем, а наша троица – сотрудниками. Неплохая журналистка, немного старше Андрея, высокая, яркая, острая на язык, без комплексов. Ульяна и тут проявила проницательность, высказав свое мнение: «И сама она – гадюка, и имя какое-то нелепое. Как ее уменьшительно зовут? Броня или Бронька?» Имя-то как раз понравилось мне, а поведение – нет. Пока мы не объявили о женитьбе, она на Андрея прямо в атаку ходила, только вся ее «броня» была уж очень легкая, чаще – прозрачная. Ульянка очень за меня переживала, ведь это она убедила нас временно скрывать наше супружество. Дескать, Марине, легче будет влиться в коллектив, будучи рядовым сотрудником. Теперь Ульянка чувствовала себя виноватой. Игорь, наоборот, потешался, считая ситуацию весьма забавной.

А Андрей все за чистую монету принимал: показное усердие Брониславы, ее страсть к работе (особенно – по вечерам), постоянные вопросы к нему лично, грубую лесть. Да, это был необъявленный поединок. Я два месяца все время была в напряжении. Даже в феврале, когда мы надели спрятанные кольца и выставили «Шампанское», Бронислава еще не сдалась. Хотя она и стала вести себя скромнее, но мне передали, что она заявила: «Жена – не стенка, можно отодвинуть». Сменила тактику на выжидательную, даже ко мне в подруги набивалась, но я ее насквозь видела. Я пыталась Андрею раскрыть глаза, но он только посмеялся: «Уж не ревнуешь ли ты? Жена Цезаря – вне конкуренции».

Нет, я, конечно, чувствую, что он меня любит. Но ведь мужчины относятся к мужской неверности иначе, чем к женской. Первую считают чуть ли не за доблесть, а вторую, однозначно, – прелюбодеянием. И так осуждают, готовы камнями забрасывать. Да и не только мужчины, у нас в обществе преобладает мужской менталитет.

Но Андрей не «пошел налево», и Бронислава внезапно почувствовала сильную страсть к Игорю. А что такого странного? Главный бухгалтер – тоже неплохо зарабатывает, правда ростом пониже ее, но фигура крепкая, в юности боксом занимался.

Теперь настала моя очередь жалеть Ульянку: она давно решила, что Игорь – подходящая для нее партия, только ему самому не сообщила. «Пусть нагуляется, а потом ко мне придет, тогда семья крепче будет», – с завидным хладнокровием говорила она, когда разные женские голоса звонили ему в редакцию «по личному делу». Когда мы пришли в «Кредо», в незнакомый коллектив, мы вынуждены были держаться единым фронтом. Я заметила, что Игорь оставил свой саркастический тон, стал относиться к Ульяне мягче, душевнее. Я полагала, что ее

мечта близка к осуществлению. И вдруг – наглая атака Брониславы! Кто победит: признанная красавица или толстушка, ставшая почти «своим парнем»?

Не знаю, какие соображения были у Игоря. Наверное, он из тех, кто убегает, когда за ним гонятся, и догоняет, когда от него убегают. Он сделал полный разворот от назойливой Брониславы к внешне невозмутимой Ульяне, за которую я была очень рада. Они так откровенно стали демонстрировать свои близкие отношения, кажется, даже раньше, чем Игорь поселился в ее квартире, что Бронислава уволилась в ту же неделю.

Да, нелегко мне было скрывать свое замужество, а вот про беременность все сразу узнали. Я на планерке в обморок упала от духоты. Я вообще везде теперь готова в обморок падать, в любом помещении, где больше трех человек подышали больше трех минут. Меня не то что в автобусе, даже в трамвае укачивает. Приходится выходить и проветриваться. Из-за этого перестала на своей «Вольво» ездить, бедная машинка пылится в гараже. Андрей сейчас уже привык, а при первом обмороке перепугался, как маленький, орал на всех, «скорою» вызвал, стекло разбил, когда кинулся окно открывать.

Нет, с чего бы Бронислава стала звонить сейчас, когда больше года прошло? Она бы стала мстить сразу, например, в базе данных бы что-нибудь повредила. Впрочем, тогда какой-то сбой был, Ульянка подозревала, что «это Бронька накосячила», но быстро все восстановила с резервных копий. Молодец! До чего умная, а внешне ни за что не скажешь. Такая пампушка (раньше еще толще была): щеки круглые, глаза выпуклые, губы толстые – ни дать ни взять кустодиевская купчиха. А занимается дизайном, компьютерной версткой и по совместительству – системный администратор. Надо напомнить Андрею, что он хотел повысить ей зарплату. Что-то она грустная сегодня, чем бы ее развеселить? И самой отвлечься, все равно статья застопорилась».

Марина отвернулась от экрана компьютера.

– Ульяна, хочешь новый анекдот по специальности?

– Валяй, – Ульяна кивнула Марине, продолжая щелкать «мышкой».

Один программист звонит другому, страшно взволнованный.

– У меня под окнами висит НЛЮ!

– Да что тут удивительного? Под «Окнами», конечно, будет висеть. Я давно тебе предлагал на «Линукс» перейти.

– Да, в тему. А кто тебе рассказал?

– Князь на прошлой неделе. – Марина называла Князем Олега Ярославского, мужа сестры.

– А, Олег! – Ульяна высоко ценила программистский гений Ярославского. – Передавай от меня привет и поклон. Скажи, что его «Антиспам» хорошо пошел. Вы сегодня с Машей к родителям идете?

Марина взглянула на перекидной календарь, плотно исписанный неотложными делами, из которых половина было вычеркнута. «Точно, сегодня четверг, как неделя быстро пролетела!»

– Да, сегодня.

– Расскажи ему от меня.

Двое новых русских купили по «Мерседесу». Встречаются.

– Прикол, у нас машины одинаковые!

– Нет, разные. Ты свою за сколько брал?

– За сто итук баксов. А ты?

– А я – за сто сорок.

– *Не может быть! Все одинаковое, марка, модель, цвет. В чем фишка?*
– *А у меня лобовое стекло – минус шесть.*

Марина посмеялась и вернулась к работе. Дело пошло.

Марина еще раз перечитала письмо. Пожилая женщина с годовалым ребенком летела из Туапсе в северный городок нефтяников Витим. Валентина Петровна, так звали женщину, перед самым новым годом повезла внука его родителям: дочери и зятю. Ей пришлось год сидеть с ребенком, пока дочь и зять не устроились на новом месте. Она спокойно взяла билет из Краснодара до Витима, уверенная, что долетит без приключений. Без приключений они с малышом долетели до Мирного на большом комфортабельном самолете ТУ- 154, затем их пересадили на АН- 24 и довели до Ленска. А в Ленске они должны были пересесть на маленький самолетик АН- 2 и уже на нем лететь до Витима. Наши доблестные синоптики передали на все последующие дни небольшой снежок и тихую безветренную погоду. Все рейсы были занаряжены, подорожавшие билеты в честь праздников проданы. Никто не предполагал, что ожидаемый снежок обернется снежной бурей, с морозом и ветром. Когда Валентина Петровна прибыла с внуком в Ленск, то в небольшом здании аэровокзала не то, что сесть, встать было негде. Пока она пыталась как- то пристроить вещи и ребенка, у нее вытащили деньги из сумочки.

Марина просто видела перед глазами деревянный аэровокзал, до отказа набитый людьми. От постоянно открываемой двери в зал ожидания валит клубами белый морозный пар. Единственный платный туалет, переделанный из бывшего служебного, пустовал. Тогда как к другому туалету, типа сортир, на улице постоянно стояла очередь, так как этот туалет по удобствам мало отличался от платного. Буфет не работал. Пассажиры буквально смели все остатки пищи из буфета. И в этой толчее – растерявшаяся женщина с маленьким ребенком, без денег и знакомых. Воистину, мир не без добрых людей. Женщине помогли, люди поделились едой и даже собрали деньги. А начальник аэровокзала отдал им с ребенком свой стул – последний свободный стул в этом здании.

Марина пробежала глазами это место в письме. Нет, зря они с Андреем закрыли рубрику «Думай, что говоришь», можно возродить ее в ином формате: без развернутого анализа ошибок, коротко. Марина раньше любила читать «Нарочно не придумаешь» в журнале «Крокодил», старые номера которого валялись теперь на даче. Мир не изменился с того времени. И сейчас в письмах попадались такие перлы! Вот, например: «С его лица прямо слетали дурные мысли». Не обошлось без казусов и в этом письме. Валентина Петровна выдала фразу: «А начальник аэровокзала разделил с нами свой обед и стул». Марина разложила перед собой фотографии: годовалый малыш, а вот ему уже пять лет, фото Валентины Петровны среди цветов, – отлично! Рассказ получился. Вышибет слезу у читателей, сомнений нет. Марина выключила компьютер, все, можно отдохнуть.

– Да, редакция журнала «Кредо», здравствуйте, – сказала снявшая трубку студентка Анфиса. – Марина Николаевна, Вас к телефону.

Анфиса была рыжеволосая, веснушчатая, легко краснеющая, она казалась подростком, хотя училась уже на четвертом курсе. Впечатление усиливала одежда: чаще всего она носила коротенькие кофточки и голубые джинсы с модными дырочками, но не крупными, а мелкой шахматной клеточкой на передней стороне. Но Марина не обращала внимания на несерьезную внешность, она считала, что из Анфисы будет толк.

– Спасибо, Анфиса Акимовна, – Марина принципиально называла практикантку по имени- отчеству, памятуя о том, как когда- то ей, студентке, было приятно вежливое обращение старого маститого профессора Лепешинского. Вот и сейчас Анфиса покраснела от удовольствия. – Слушаю Вас, – это уже в трубку.

– Марина, здравствуй, это Ирина! Ты не помнишь меня? – голос был тихий и не очень внятный

– Здравствуй, Ирина! Почему не помню? Мы же недавно встречались у Галины Леонидовны, – Марина удивилась, зачем ей звонит Машина одноклассница Ирина, да еще и на работу. Когда она приходила в гости к бывшей учительнице на традиционную встречу в первый четверг месяца, то и двух слов с Мариной не сказала, очень уж задирала нос, постоянно подчеркивала, что живет в Финляндии.

– Нет, ты меня с кем-то путаешь. Я – Ирина Савельева.

– Савельева! Вот сюрприз! – Ирина была старостой группы и на первом курсе дружила с Мариной. – А где ты была, когда мы группой встречались? Мы этой весной собирались, отмечали три года выпуска.

– Да, Настя мне сказала, но после, когда я ей сама позвонила. Она меня по старому номеру искала, не знала, что я давно в школе не работаю.

– Жаль, что так вышло. Все тебя вспоминали.

– Правда? – Ирина, казалась, была удивлена. – Но я не за этим звоню. Марина, я тебя недавно видела, как ты в ток-шоу выступала у Арсения Рубахова, он назвал твое место работы – издательский дом «Кредо». Ты так хорошо, так разумно все рассудила, что я подумала... Понимаешь, мне нужно с тобой посоветоваться в одном важном для меня деле. Не могли бы мы встретиться сегодня после работы? Где-нибудь в кафе, я угощаю.

Кафе из-за табачного дыма стали совершенно непереносимыми для Марины уже в марте. Еще одна беда беременных – обострение нюха и отвращение к некоторым запахам. Всех курильщиков Марина теперь чуяла за версту, а говорить с ними просто физически не могла. Ей еще повезло, что муж не курит. Во многих кафе только за столиками запрещено курение, а в холле и туалетах – дым коромыслом. Но сейчас август, и можно подыскать хорошее местечко на улице.

– Давай, только не сегодня. У меня вечер занят допоздна, а завтра с утра позвони мне на сотовый. Запиши номер, – Марина продиктовала. – Обязательно позвони. Хорошо?

– Хорошо, – как-то неуверенно отозвалась Ирина. – До свиданья!

«Ну вот, трубку повесила, а свой номер не оставила. Давно пора в наш кабинет нормальный аппарат с определителем поставить, а это старье выкинуть». Марине стало неудобно, как будто она обидела Иру. «Ладно, не бери в голову. Она завтра обязательно позвонит, и я найду время, чтобы встретиться с ней».

Марина задумалась об Ирине. Хорошая она была девушка, только слишком серьезная. Внешность у нее была самая заурядная, таких много, но и не урод. Училась очень старательно, все успевала, хотя жила где-то далеко: то ли в Константинове, то ли в Мытищах. Да, еще она сама шила, и неплохо, но выбирала фасон одежды не по возрасту. Все у нее было строгое и неяркое, глазу не за что зацепиться. Парни к ней подходили только по делу: конспект одолжить, расписание спросить.

Ирина начисто была лишена кокетства. Марина очень удивилась, когда на пятом курсе за ней начал ухаживать Валера из параллельной группы. У Валеры не было ни кожи, ни рожи, да и ростом не вышел. Но Ирина таяла и млела. Марина, было, заподозрила Валеру в корысти: женится на девушке из Подмосковья, чтобы не возвращаться в родной Липецк. Но Ирина не сомневалась в избраннике. Она давно сторонилась Марины, но в октябре, по старой памяти, пригласила ее с двумя другими девушками на свадьбу. Марина с девчатами несколько дней сочиняли «выкуп», собрали деньги на подарок, но зря старались.

Свадьбу расстроила мать жениха. Она приехала за день до назначенного срока, придирчиво осмотрела Ирину, ее семью, их небогатый домик, – и ей все не понравилось. Она не пожелала остановиться у будущей родни, которая сбилась с ног, готовясь к праздничному обеду, а уехала с Валерой в общежитие. Назавтра в назначенный час жених не приехал за невестой.

Денек выдался солнечный, для октября – теплый. Ирина в белом платье и фате битый час простояла у калитки, выглядывая на дорогу и переживая, не попал ли ненаглядный Валерочка в аварию. Марина, недавно купившая сотовый телефон, кое-как дозвонилась до общежития, ей разыскали свидетеля Влада. Влад сказал, что вечером мать Валеры объявила: «Свадьбы не будет», – и увезла сыночка ночным поездом домой на выходные. «А вы почему звоните, разве Валера ничего не сказал?» – вдруг дошло до него. Марина дала отбой и с трудом подняла глаза на Ирину. Она с помертвевшим лицом стояла среди немногочисленных подруг и родственников, которые слышали весь разговор. Потом подняла руки, сняла фату и ушла в дом, не проронив ни слова.

Это было в субботу, а в понедельник Ирина пришла на занятия, как обычно, раньше всех. И выглядела совершенно спокойной, только лицо немного осунулось. «Ира, это же хорошо, что он сбежал до свадьбы, а не после», – попыталась утешить ее Марина, сама когда-то пережившая нечто подобное. – «Ты не расстраивайся, ты обязательно еще встретишь хорошего парня». Ирина молча вздохнула, окинула Марину выразительным взглядом, ясно говорившим, «при твоей-то внешности хорошо так говорить», и отвернулась.

«То ли она слишком мне завидовала, то ли я была невнимательна к ней, так мы и разошлись. А вот сейчас она просит помощи. Даже похвалила мое выступление». Марина вспомнила краткий миг своей внезапной популярности. А было так. «Русская студия Би-Би-Си» передала в записи интервью с Георгием Федоровичем Лепешинским (профессор как раз недавно скончался). Говоря о проблеме сохранения чистого литературного русского языка, он назвал несколько своих учеников. Как пример молодого журналиста была названа Марина Белых. После этого начались звонки, предложения. Марина заинтересовалась телевидением. Но дальше одного участия в качестве эксперта дело не пошло. «Чем Ирине понравилась моя речь? Ничего особенного мудрого я не сказала».

Передача была посвящена конфликту поколений. Мать упрекала дочь за стиль одежды, прическу, пирсинг, тату, связь с мужчиной без регистрации. А дочь упрекала мать за старомодную внешность, косность, узость взглядов, негибкость. Марина сделала вывод, что мать и дочь похожи, как родные. Обе тупо следуют тому, что принято в их кругу, и ни на шаг не желают отклониться. Только у матери этот круг составляют сорокалетние учительницы, а у дочери – двадцатилетние студентки. Им обеим следует понять свое сходство и чуть-чуть признать право другого на свое мнение. В заключение процитировала Джером-Джерома: «Я всегда готов согласиться с чужим мнением, если оно полностью совпадает с моим. Но мне трудно не считать сумасшедшим человека, который думает не так, как я». Наверное, эксперту, приглашенному за хороший русский язык, не следовало цитировать английского автора. Больше Марину на телевиденье не приглашали.

«Ирина Савельева, сколько я ее помню, ни к кому не подлизывалась. Если похвалила мое выступление, значит, ей действительно понравилось. Да, помнится, у нее тоже были какие-то проблемы с матерью. Она все больше про бабушку рассказывала и про кроликов. Постарайся ей помочь завтра», – решила Марина. Она посчитала оставшиеся пункты (шесть) и время, оставшееся до конца рабочего дня. Прислушалась в себе: творожок вел себя отлично. Не отвлекаясь больше, Марина углубилась в статью.

* * *

Вечер у мамы пролетел, как одно мгновение. Обсуждали предстоящий день рождения мамы, Елены Алексеевны. Папа, Николай Николаевич, предложил отметить на даче, как в прошлом году. Недавно приобретенная дача радовала его, как ребенка новая игрушка. Он очень гордился отремонтированным домиком, посадками, особенно – яблонями и сливами, которых не было в его детстве. Дай волю, так и совсем бы переселился на дачу. Мама не разделяла страсти отца к садоводству и огородничеству, но цветы ее увлекли. Вскоре Марина с удивле-

нием узнала, что мама прекрасно разбирается в цветах и уже меняется с соседками какими-то семенами, черенками, луковицами. Всю жизнь проработавшая врачом (то детским, то – взрослым, последнее время – окулистом), Елена Алексеевна привыкла постоянно учиться, повышать свою квалификацию. Она тут же обзавелась литературой по выращиванию цветов, и результат был виден налицо.

Стол украшали роскошные гладиолусы, а в комнате девочек, хотя они там и не жили, стоял букет роз. Мама успела посадить два кустика осенью, в октябре. Видимо, рука у нее была легкая не только по отношению к пациентам, но и к растениям. Розы отлично прижились, и этим летом их небольшие кусты радовали глаз прекрасными алыми и белыми цветами. Дочери секретничали с отцом о подарке, готовили маме сюрприз. То, что они придумали подарить ей, вполне соответствовало новому хобби.

Андрей вел машину, Марина, позевывая, сидела рядом с ним.

– Какие новости? – Андрей приехал поздно, когда уже расходились.

– В следующий выходной – день рождения мамы.

– Опять на даче? Мне понравилось жарить шашлыки, я раньше не подозревал, какое это искусство. Твой папа и здесь – мастер.

Марина подавила воспоминание о шашлыке, так как запах жареного мяса ей сейчас не казался аппетитным.

– Да, если погода будет хорошая. А если дождь – дома. Дата не круглая, 49 лет. На работе отметит немного, а дома будем только своим кругом: мы все, да Галина Леонидовна.

– А что такое страшное рассказала Маша без меня? Олег так странно сказал мне: «Свояк, мы с тобой теперь должны никуда не отпускать этих сестреночек одних». Этот период беременности какой-то особо важный?

Марина нехотя пересказала новость, которую слышала в женской консультации Маша. В Москве, да еще и в районе метро «Юго-Западная», то есть, совсем рядом с домом, объявился маньяк. По вечерам, когда стемнеет, он нападает на беременных женщин. О цели нападения мнения расходятся: ограбление, насилие или убийство. Как и о количестве жертв: от двух до двадцати. Родители и Олег не на шутку встревожились. Но Марина не приняла эти рассказы всерьез.

– Я думаю, это – «утка», очень велик разброс.

– Можешь думать, что хочешь, но больше ты у меня никуда не ходишь и не едешь одна, – твердо заявил Андрей.

Марине, которая совсем не хотела тревожить мужа, все равно было приятно, что он заботится о ней.

– Спасибо за заботу! А с Соней можно?

– С какой Соней?

– Кривошековой, из Новосибирска.

– Она что, приезжает?

– Да, на целых две недели. У нее акварельная практика в Москве, а потом – в Санкт-Петербурге. Мама с папой предложили ей пожить у них, но можно вечером, например, после театра, и к нам завернуть. Ну, что ты нахмурился? Не так уж часто мои родственники нас посещают. А новосибирские – первый раз. А вот я у тети Кати три раза, можно сказать, гостила. А кто ее пирожки трескал? Не ты?

– Я, каюсь. И очень оценил стряпню твоей троюродной тети. А ее сноха, если я правильно назвал жену сына, тоже печет пирожки?

– Ты это к чему? Я разве плохо готовлю?

– Нет-нет, но вы могли бы с Соней обменяться опытом.

– А тебя сделать дегустатором? Ах ты, чревоугодник! Кстати, почему стоим?

– Маринка, да мы же приехали.

За разговором неприятные мысли о маньяке (неприятные, даже если его кто-то выдумал) совершенно вылетели у Марины из головы. Никакие кошмары ей не снились, телефонного хулигана тоже не было, или Марина его не услышала.

* * *

...Я отчетливо помню тот день, когда я познакомилась с Сережей. Каждое мгновение стоит перед глазами, как будто все происходило вчера. А прошло уже два месяца. Совсем скоро моя свадьба. Я должна радоваться, но я боюсь. Мне часто снится один и тот же сон. Я иду в белом платье с цветами в руках. Иногда я захожу в храм, иногда это ЗАГС. Но всегда я иду туда одна. Кругом гости, много людей, все пришли на мою свадьбу. Меня окликают, поздравляют, а мне страшно. Я иду медленно, всматриваясь в лица. Я в отчаянии, я не помню своего жениха. Толпа расступается передо мной, пропуская меня. Мне хочется убежать, спрятаться от людей. Я понимаю, что мой жених не придет. Но люди проталкивают меня вперед, туда, где никого нет. Я просыпаюсь, успокаиваю себя, что это только сон. Во сне отражаются мои страхи и сомнения, а на самом деле все хорошо. Сережа любит меня. Он очень добрый и хороший, я обязательно полюблю его, и мы будем счастливы.

Как мы познакомились? Все получилось, как в кино или сказке. Но ведь я не верю, не верю в сказки! Они остались в детстве, а я давно уже выросла.

Почему мельчайшие события того дня отпечатались в моей памяти? Весь июнь был холодным и дождливым. Редко выпадали сухие и теплые дни. Они проскальзывали, как песок сквозь пальцы, уступая место долгим затяжным дождям. Но вся неделя накануне нашей встречи была относительно теплой. А в тот день еще ночью пошел дождь, и к утру похолодало. Приготовленное с вечера для работы легкое платье и босоножки негодились. Мне пришлось доставать костюм, туфли и под них надеть колготки. Обычно, я всегда ношу в сумке запасные колготки, а в тот день не взяла. Я, почти не промокнув, доехала до города. От метро мне идти быстрым шагом до работы полчаса. Время в запасе было, я шла, медленно и осторожно, обходя лужи. Поэтому я увидела новую яркую витрину магазина. На манекенах красовались изумительные вещи для лета. Я только чуть-чуть приостановилась посмотреть. Вещи, конечно, были не для меня, а для молоденьких и красивых девушек, но посмотреть-то можно.

Я не заметила выбоину в асфальте, споткнулась и упала прямо в грязь. В этот момент раздался щелчок – и стеклянная витрина стала рассыпаться у меня на глазах. Осколки стекла дождем хлынули на мокрый асфальт. Я не помню, как я вскочила и побежала. Я испугалась, что меня могут обвинить в том, что витрина разбилась. Хотя причем здесь я, наверное, стекло неправильно установили. Отбежав на безопасное расстояние, я обнаружила, что испачкала юбку и порвала колготки. Пришлось по дороге купить новые колготки, да еще долго искать открытое кафе, чтобы в туалете замыть пятна и переодеться. В результате я опоздала на работу.

Аглая Кузьминична была в скверном настроении. У нее всегда плохое настроение, когда идет дождь. Я думаю, что это от давления, хотя она сама считает, что у нее здоровье, как у космонавта. Она придиралась ко мне весь день, так что к вечеру у меня самой заболела голова. Она специально задержала меня на работе, в результате я опоздала на две удобные электрички до Жуковского. Пришлось долго ждать на перроне, а потом еще ехать в переполненном вагоне стоя. По дороге домой я зашла в магазин за продуктами. Я брела домой по непролазной грязи с двумя тяжеленными сумками, ругая в душе мать, которой нельзя поручить купить булки хлеба, и себя, неудачницу.

Навстречу мне выскочила большая уляпанная грязью машина. Это был джип, хотя обычно по этому переулку на джипах не ездят. Не хотелось лезть в грязную канаву, я прижалась к самому краю дороги, но машину, видимо, занесло, она вильнула в мою сторону. Сзади раздался резкий гудок второй машины, я, не раздумывая, прыгнула прямо в лужу и прижалась к забору. Черная машина с затемненными стеклами лихо проехала совсем рядом, окатив меня

с ног до головы грязью. Два джипа еле разъехали, и как раз возле меня! Я так испугалась, что уронила пакеты с продуктами. Яйца разбились, батон вывалился из пакета и упал в воду. Что-то еще сыпалось и падало, но я этого уже не видела. Это было последней каплей того дня. Я закрыла лицо руками и ревела в голос, как маленькая девочка...

* * *

В отличие от Марины, Андрей серьезно отнесся к слухам. Подъезжая к офису, он напомнил Марине:

– Я съезжу сейчас в типографию, а ты без меня – никуда. Какие у тебя планы на сегодня?

– Никаких. Редакция и дом.

– Ты не забыла, что мы сегодня идем к папе на ужин?

При слове «ужин» у Марины комок подкатил к горлу. Героическим усилием она отправила его обратно.

– Боюсь, что я не смогу. Давай, ты поедешь к отцу, а я – домой. Я закончу пораньше – сегодня как-никак пятница – и прекрасно доберусь на метро, если успею до «часа пик».

– Марина! Никакого метро. Возле нашей «Юго-западной» бродит маньяк!

– Да не верю я в маньяка!

– Не верь. Но обещай мне, что не будешь там ходить без меня, – голосе Андрея звучала такая тревога, что Марина сразу кротко ответила:

– Обещаю. Но тогда тебе придется меня возить домой, а потом ехать к отцу за город.

– Вот и я про то же. Поедем лучше на ужин? Папа сказал, что специально для тебя готовят нечто особенное. Да, забыл тебе сказать, Юля вернулась из Лондона, она будет рада тебя увидеть.

– Зачем она туда ездила?

– Сходишь на ужин и узнаешь все новости нашего и лондонского бомонда. Что, пойдешь? Андрей поцеловал Марину.

– Ладно, подлиза, уговорил.

Марине не хотелось идти на ужин к Краснову-старшему. С другой стороны не далее, чем вчера, они ходили с Андреем к ее родителям. Марина сидела со всеми за столом. Андрей обидится, если не пойти, скажет: «Как ужинать у твоих родителей, так ты здорова, а как к моему отцу в гости, так сразу же токсикоз». Не скажет, но подумать может. Придется идти.

Марина без особого восторга ходила в гости к Виктору Александровичу Краснову. Нет, принимали их всегда отменно. Виктор Александрович – само обаяние и такт, и еда изумительная. Как ни старался Краснов-старший наладить отношения с Андреем, до сих пор чувствовалась некоторая отчужденность между отцом и сыном. Андрей рос без отца. Они стали встречаться когда, Андрей был уже взрослым и самостоятельным. Андрей не хотел зависеть от крутого отца, крупного бизнесмена и политика. Марина старалась не думать о закулисной деятельности Краснова, но знает точно, что человек он жесткий, и лучше ему не перечить. А с другой стороны они принимают от отца подарки, берут выгодный кредит в его банке. Машину для Марины – «Вольво» в прекрасном состоянии – свекор предложил ей купить за очень низкую цену, да еще и уговаривал, что ему надо срочно избавиться от лишней собственности. Конечно, им спокойнее жилось, когда за спиной такая сильная опора. Марина не сомневалась, что Виктор Александрович в курсе дел их издательства, и всегда придет им на помощь в трудную минуту.

Вот Олег и Маша, те обожали Краснова. Со стороны могло показаться, что не Андрей, а Олег – родной сын Виктора Александровича. Но эти отношения имели свои тайные корни в далеком прошлом Виктора Александровича, о котором Марина вынуждена была узнать, чтобы не потерять сестру. Они оба хранили эту тайну.

Зачем Виктору Александровичу, чье время расписано по минутам, регулярно собирать их всех за своим столом? Патриархальная мечта о большой семье? У него есть в Швейцарии двое детей. Как ни пытается Краснов привить им русские традиции, они не будут русскими. Родной язык для них – французский. Марина с Андреем были один раз у них в гостях в Женеве. Дочь Краснова, Мари, пишет до сих пор Марине трогательные письма. Она настоящая француженка, русская девочка так никогда не выразится. Почему Краснов не заберет их в Россию? Не хочет видеть рядом с собой их мать? Возможно. Тем более, что очередная подруга Виктора Александровича, Юля, прочно заняла место хозяйки его дома. Она ждет ребенка и собирается рожать уже в конце сентября – начале октября.

Юля выглядела прекрасно. Она, как всегда, напоминала свежий розовый персик. Сходство подчеркивал костюм для беременных в пастельных тонах. Юля с порога завела разговор на любимую тему – о своей беременности.

– Марина, я так сильно поправилась в Лондоне, врач рекомендовал мне пить меньше воды. Со своей поездкой, я пропустила две тренировки в бассейне. Тренер сказал, что мне придется заниматься дополнительно, и рекомендовал какой-то специальный водный массаж. Я искала в своей энциклопедии для беременных, но не нашла ничего про этот массаж. Ты не слышала, что это такое?

– Нет, у меня нет этих новых энциклопедий, мне мама дала свою старую книгу «Мы ждем ребенка», но я ее не закончила. Некогда было, разве что перед родами дочитаю.

– Напрасно, в них очень много полезного и интересного. Вот, например, я раньше не знала...

Юля бесконечно может говорить о своем положении. Марина не слушала Юлю, Она думала, успеет ли она добежать до раковины.

– Ой, да тебе плохо. Тошнит? Я дам тебе таблетку, на сутки хватает.

– Нет, я не пью таблетки.

– Выпей, она совершенно безвредная.

Марине не хватило сил отбиваться от Юли, пришлось проглотить желтенькую таблетку. Юля заботливо уложила Марину на мягкий диван.

– Полежи минут десять, и все пройдет. Сейчас я тебе покажу, что купила для малышки в Лондоне.

– А зачем ты в Лондон ездила? Не боишься, тебе же скоро рожать.

– По этому поводу и ездила. Я буду рожать в Лондоне. Клиника замечательная. Там сама Катти Мэттью рожала. Они сказали, что у меня чудесная девочка. Я выбрала палату в розовых тонах. Очень красивая. Закончу озвучивание сериала и сразу же уеду в Лондон. Надо, чтобы мой лечащий врач привык ко мне и я – к нему. Я бы там осталась, но не могу подводить Серегина, тем более, зимой я буду сниматься в его новом сериале. Они протянули с монтажом, а уже начали показ заключительной части сериала. Там на недельку работы, успею. Ты тебе нравится, как я играю в фильме?

Юля не была профессиональной актрисой, она работала моделью, потом (не без помощи Краснова) приобрела долю в крупном агентстве. А когда карьера модели подходила к закату, ее пригласили на маленькую роль в сериале. Надо было всего-то красиво пройти по подиуму и сказать пару фраз. Неожиданно для всех (и для себя) Юля своей игрой и внешностью завоевала сердца зрителей, и ее роль постепенно переместилась на второе место. Специально под нее написали продолжение сериала. Честно говоря, Марина посмотрела всего одну серию шумевшего сериала «Девушка ниоткуда», но игра Юли Марине понравилась. Поэтому, не кривя душой, Марина ответила: «Да, очень понравилось, ты талантливая актриса».

Чтобы доставить удовольствие Юле, Красновстарший поддерживает любимую тему своей подруги, он шутит об одновременной беременности всех троих: Юли, Марины и Маши. Андрей с Олегом откликаются на его беззлобные шутки. Разговор перекидывается на автомо-

били. Молодым эта тема более интересна: Андрей с Олегом обсуждают модель нового авто Олега. Дамы не поддерживают разговор джентльменов. Они склонили головы над очередным каталогом детских товаров, которых у Юли множество. Заметив это, Олег иронизирует: «Мужчины из кожи лезут, чтобы развлечь своих дам, а им только глянцевою обложку покажи». «Будущее нации зависит не от числа автомобилей, а от числа детских колясок», – парирует Марина выпады родственника понравившейся цитатой финского президента Урхо Кекконена.

Таблетка подействовала, тошнота отступила. Обрадованная Юля всучила Марине упаковку своего новомодного лекарства. За столом Марина с удовольствием перепробовала все блюда, отказавшись от специально приготовленных для нее пресных овощей на пару. Муж недоуменно поглядывал на нее. «Теперь точно скажет, что я притворяюсь».

* * *

Обстановка в комнате сложилась самая интимная: Анфиса еще не подошла, а Саша уже ушел. Вот поэтому и состоялся душевный разговор.

– Ульянка, я даже подумать не могла, что Игорь такое выкинет!

– Думаешь, я могла? Я же считала, что он уже нагулялся. Ведь не мальчик, ему тридцать в ноябре стукнет.

– Да, они же одноклассники с Андреем. И что же теперь будет?

– Бросит и эту через месяц- другой.

– А ты? Ты простишь его?

– Чтобы он об меня ноги вытирал – и снова налево, как вервольф, каждое полнолуние? Ни за что!

– Ну, и правильно. Найдешь себе другого, получше. Вон ты какая стала стройная, интересная... – Марина осеклась, догадавшись, что последнее резкое похуждение Ульяны как раз было связано с изменой Игоря.

– Нет. Хватит с меня семейной жизни, год прошел, перевернем эту страницу. Я ни о чем не жалею. Как говорится, «Бог с тобою, золотая рыбка, успокойся, ступай себе с миром».

– А на работе вы как же?

– Марина, я же сцен не устраиваю, это было бы смешно. Здравуюсь, прощаюсь, «софт», если надо устанавливаю. Ты когда заметила?

– Ульянка, я, конечно, – на редкость черствое и толстокожее существо, но я думала, что Игорь из-за меня к нам не заходит, потому что меня от курильщиков тошнит.

– Короче.

– Ну, позавчера подумала, что вы врозь уходите последнее время.

– Вот. А мы врозь почти месяц. Да ты не расстраивайся, в твоём положении лучше думать о хорошем. Например, что Андрей – не такой, как его друг, он на семью настроен, ребенка ждет.

– Это ты точно подметила, мы его вдвоем ждем.

Марина много могла бы рассказать о своём муже. Андрей сознательно, безо всяких просьб освободил её от многих тягот быта. Он не уставал слушать рассказы Марины о том, когда и как толкнулся плод. Иногда он даже разговаривал с ним, чтобы привыкал к папиному голосу. Ночью он просыпался несколько раз и заботливо укрывал Марину, которая, страдая от жары сильнее, чем обычно, все время сбрасывала простыню. Андрей так переживал, что Марина не может нормально питаться, что если бы она пожелала хоть кусочек Луны, то расшибся бы в лепешку, но достал.

Но зачем это выкладывать Ульянке, которая только что рассталась с надеждой обрести семью? Тем более, что родить ребенка она не могла из-за проблем со здоровьем. И только недавно нашла врача, пообещавшего, что в отдалённом будущем, возможно, появится шанс выносить здорового ребенка. Марина определенно полагала, что его отцом будет Игорь. А

теперь шанс, наверное, станет нулевым. Марина замолчала, не находя слов. Повисла редкая для редакции тишина, только тихо привычно для уха гудели вентиляторы компьютеров. Ульянка отошла к окну, чтобы полить свои любимые кактусы.

Тут, как нельзя более кстати, в комнату впорхнула Анфиса, маленькая, улыбчивая, рыжеватая, как солнечный зайчик. Буквально следом за ней вошел Саша, длинноногий и длинноносый, как цапля. И сразу зазвонил телефон. Марина облегченно вздохнула, и с чашкой в руке подошла к телефону.

– Алло! Редакция журнала «Кредо», – как обычно, полным названием, представилась она. Эта фраза стала такой привычной, что иногда просилась с языка даже дома. Но вот что интересно – только тогда, когда звонили коллеги по работе: Ульяна, Игорь или Андрей, задержавшийся допоздна в редакторском кресле.

– Здравствуйте, у меня есть информация о нападении маньяка на беременную женщину, – ошеломил ее торопливый мужской голос.

– Не сочиняйте, пожалуйста, басни, нет никакого маньяка! – рассердилась Марина. – Телевизор надо смотреть, вчера же в новостях выступала сотрудница МВД.

Марина почти наизусть запомнила краткую речь миловидной женщины в капитанских погонах. Она развенчала все слухи. «Случаев нападения на женщин в Юго- Западном округе не больше, чем в любом другом округе Москвы, и даже на три процента меньше, чем за предыдущий месяц. В числе пострадавших оказались и две беременных женщины: у одной из них вырвали сумочку, а другая потеряла сознание из- за духоты в транспорте и могла сама потерять кошелек. В числе изнасилованных и убитых ни одной беременной нет. Семьдесят процентов преступлений раскрыто по горячим следам, по остальным ведутся оперативно- розыскные мероприятия. Анализ особо тяжких преступлений показал, что они носят разнородный характер и не могут принадлежать одному лицу или преступной группе».

– Так вам нужна информация или нет? Я располагаю именем и фамилией пострадавшей и номером больницы, куда ее доставили вчера вечером.

Реплика абонента разнеслась по комнате. Это подбуживавший Саша нажал кнопку громкой связи. Не обращая внимания на протесты Марины, он перехватил инициативу и в два счета договорился о встрече.

– Саша, мы же не желтая пресса, опомнись.

– Чепуха, толпа жаждет хлеба и зрелищ. А не примет наш шеф – продаж в «Хотите верить...» Ну, я побежал, информация должна быть свежей, как осетрина.

– Так, значит, «Юго- Западный маньяк» существует? – почти с восторгом спросила Анфиса.

– Конечно, нет! – В голосе Марины зазвенел металл. – А Вас, Александр Вениаминович, никто на эту встречу не посылал, у вас подвисла статья для шестой страницы на целый подвал.

– Ну, так пошлите меня, Марина Николаевна! Пошлите, хотя бы для опровержения слухов. А статью я завтра сдам, вот – честное пионерское!

– Да, – радостно выдохнула Анфиса.

– И ты – туда же? – удивилась Ульяна.

– А вот это – правильно, – неожиданно изменила решение Марина. – В больницу скорее пустят девушку, особенно, если она принесет хотя бы пару апельсинов. Только не перегибайте палку, не нервировать пострадавшую. Если она, конечно, не выдумка.

У Саши на сенсации редкий дар. В прошлом году он вдруг притащил в редакцию настоящую воровку- карманницу, он поймал ее в маршрутке со своим кошельком. Чтобы не попасть в милицию, она согласилась дать интервью, даже разрешила напечатать свое фото. Воровка показала, как она ногтями режет пластиковый пакет, раскрыла самое надежное место для денег – на груди под верхней одеждой. Марина была поражена тем, как вывернуто ее сознание. Жен-

щина гордилась своей ловкостью, хвасталась чутьем на большие деньги, радовалась, вспоминая, как обнаружила в сумочке скромной женщины и украла три миллиона.

– А Вы не думаете о том, что потом было с этой женщиной? Может, это были не ее деньги, казенные?

– Может, не ее, – легко, без малейших угрызений совести, согласилась воровка, – но мне ведь тоже надо на что-то жить, хорошо питаться.

– Что, вся сумма ушла на питание?

– Ну, – неохотно призналась она, – еще на ханку.

(Саша потом объяснил, что «ханка» это уголовном жаргоне водка).

* * *

Вечером Марина провела ревизию холодильника, заодно и помыла. В результате родился недельный список продуктов, который она завела в компьютер, чтобы ничего не забывать. Андрей забеспокоился:

– Марина, зачем ты дома сидишь за компьютером, я читал, что в Америке еще в прошлом веке беременным программисткам врачи запрещали сидеть перед монитором больше четырех часов в сутки.

– Андрей, ты вспомни, какие это были мониторы, – возразила Марина. – А у нас – новый, на жидких кристаллах. Кстати, сразу возьми список на утро, а то я опять забуду.

Еще одна беда беременных – временное ослабление памяти. Мама посоветовала бороться с этим организационными мерами: придерживаться строгого порядка в вещах, все дела записывать, вести календарь. Марину вдохновлял пример Галины Леонидовны Костриковой, постоянно боровшейся со старческим склерозом путем памятных записок. Она тоже завела табличку на двери: «Утюг! Плита! Балкон!». Каждый элемент списка появился не случайно, и часто, кинув на бумажку взгляд перед выходом из дома, Марина спохватывалась и бежала проверять утюг, плиту или балконную дверь.

Андрей безропотно взял отпечатанный список продуктов. Он был доволен, что у жены появился наконец аппетит, с готовностью ездил в супермаркет, таскал увесистые пакеты с едой. Теперь он не разрешал Марине одной делать покупки, чтобы она не перегрузилась, и всегда ее сопровождал. Марина, как штурман, прокладывала курс между стендами, выбирая товары и кидая их в корзинку, которую толкал следом за ней Андрей. Он же грузил их в машину, а потом заносил в кухню, где Марина все раскладывала, как ей удобно.

В субботу утром Андрей тихо поднялся и без завтрака отправился за покупками.

«Ни к чему тебе ехать со мной, – подумал он, – поспи лучше. Что я, крупу или морковь без тебя не найду?»

Марина недолго нежилась в постели, ее разбудил звонок телефона, но не сотового, а стационарного.

– Андрей, ты дома? – не открывая глаз, спросила Марина. Нет ответа. Пришлось встать и выйти в большую комнату.

– Здравствуй! Конечно, приезжай немедленно. От метро надо пройти два дома по четной стороне, завернуть и идти перпендикулярно пять минут. Сразу за стройкой – наш дом. Жду! – Она устремилась в ванную.

Когда нагруженный покупками Андрей подошел к двери, он сразу оценил крючок, который Марина заставила его приделать под дверной ручкой. Повесив на него два пакета из одной руки и три – из второй, он достал ключи и осторожно вошел, намереваясь сделать жене сюрприз. Но Марина не спала. Из спальни доносился ее веселый смех.

– Ну, все, я пошел в ванную, – неожиданно прозвучал мужской голос у самой двери, и Андрей от неожиданности отпрянул, затаился в прихожей. Хлопнула дверь спальни, прошлепали шаги по коридору, скрипнула дверь. Андрей выглянул и увидел мужскую спину, скрыва-

ющуюся в ванной. Эта спина была в его купальном халате! Непостижимо! «Что вообще происходит?» – Андрей, забыв разуться, рванулся в спальню.

– А, Андрюша пришел. Ты за продуктами ходил? – улыбающаяся Марина встала с дивана и ласково чмокнула мужа в щеку. В отличие от незнакомца, она была одета нормально, диван был сложен и постель убрана. – А к нам Соня приехала.

– Какая Соня?! – несказанно удивился Андрей. Насколько он успел разглядеть, фигура того, кто плескался сейчас в ванной, была плечистой, под метр восемьдесят ростом и с волосатыми мускулистыми ногами.

– Кривошекова, из Новосибирска, – ответил чей-то тонкий голосок, и из-за дверцы шкафа вышла невысокая круглолицая девушка в халатике. – Здравствуйте, Андрей!

Так как Андрей молча ошолбенело на нее таращился, она продолжила беседу:

– Вы, наверное, забыли меня? Мы ведь только мельком виделись в Новосибирске, когда Вы за Мариной приезжали. А Петю тогда и вообще не застали, а сейчас он мыться пошел. Но Вы не думайте, мы Вас не стесним. Просто тетя Лена работает, а дядя Коля на даче, а мы только что приехали. Позвонили, а Марина говорит, давайте прямо к нам, – голос ее звучал все более неуверенно, выражение лица стало виноватое.

Зато у Андрея рот растянулся в улыбке от уха до уха.

– Ну, что Вы, что Вы! Какое стеснение! Конечно, Соня, я помню и Вас, и тетю Катю, и пироги! Марина мне говорила, что Вы приедете, мы собирались Вас на вокзале встречать, кажется, во вторник. Но вроде бы одну, да, Марина?

– Да, но кое-что изменилось, Петю направили на стажировку, и мы приехали раньше.

– А, тогда понятно. Что ж, буду рад познакомиться с Петей.

– Очень хорошо, что вы раньше приехали. Завтра отмечаем мамин день рождения. Считайте, что она вас пригласила.

– Спасибо, но удобно ли это, наверное, будет и так много гостей?

– Нет-нет, только свои, узкий круг. А стол у нас на даче большой, места хватит. Ой, что-то у меня от голода поджилки трясутся. Завтракать немедленно!

– Да, я как раз продукты принес. И, давай, Соня, будем на «ты», идет?

– Давай.

Уже на кухне, нарезаая хлеб, Андрей поинтересовался:

– А над чем ты так смеялась, когда я пришел?

– А, это Петя мне рассказывал, как они ехали из Внуково на маршрутке, – ответила Марина, разбивая одно за другим десяток яиц на сковородку.

От стоянки только что отъехали две машины подряд, и пассажиров больше не было. Кривошековы сели на переднее сиденье в салон. Тут водитель перелез через спинку, говорит, скучно ему ждать, поболтать хочется. Расспросил, куда им надо, да откуда приехали. Потом замолчал. Стали другие пассажиры подходить, усаживаться, а он сидит себе. Вот уже полный салон, вот уже возмущаться стали, что водитель не идет. Тут водитель говорит: «А что такого сложного, и я могу водить микроавтобус». Перелез на свое сиденье и завел мотор. Все – в ужасе, уговаривают: «Не надо!» да «Что вы делаете?» Только Петя и Соня молчат, ждут, что дальше будет. А микроавтобус уже двинулся, скорость набирает. Его осторожно увещевают: «Парень, за угон автобуса тебя ведь посадят». А он: «Не поймают, добегу до дома, я живу близко от конечной». Тут уже гробовое молчание повисло. А он говорит: «Ладно, шутки – в сторону, передавайте деньги за проезд. Я – водитель этой маршрутки».

* * *

День рождения мамы в семье Белых был одним из самых любимых праздников, и готовились к нему основательно.

Красивый чисто шерстяной платок с любимыми розами, конечно, не красными, а благородного бежевого тона на темно-зеленом фоне, за которым Марина с Андреем специально заранее ездили в Павлов Посад, был только частью подарка. Там же купили приглянувшуюся льняную скатерть в синюю клетку. Неопределенная идея чайного сервиза сразу обрела цвет и форму. Это однозначно должен быть гжельский фарфор. Хорошо, что за ним не обязательно ехать в Гжель. У Марины нашлась визитка фабрики на Ленинградском проспекте, которая делала посуду с традиционными гжельскими синими узорами. Сервиз вызвался выбрать Олег Ярославский, художественный вкус у него был наследственный. Но главную часть подарка приготовил папа.

Когда приехали на дачу, Елена Алексеевна сразу обратила внимание на прямоугольную конструкцию напротив крыльца, задрапированную материалом «агри».

– Что это за монумент? – удивилась она. Сооружение было не меньше полутора метров в высоту и метр в ширину, но довольно плоское. Оно действительно напоминало какой-нибудь памятник накануне открытия.

– А это – наш сюрприз! – торжественно провозгласил Николай Николаевич, и дочери радостно подхватили:

– Сюрприз! Сюрприз!

Николай Николаевич поколдовал с накидкой и быстро сдернул белый покров. Елена Николаевна восхищенно ахнула, всплеснула руками. Зрелище открылось удивительное: ажурная деревянная решетка, снизу доверху покрытая зелеными листьями, из которых, покачиваясь на длинных тонких стеблях, свешивались цветки с крупными яркими лепестками.

– Клематисы! Какая прелесть! Но откуда они взялись? Неделию назад ничего не было. Их же невозможно пересадить вот так, в цвету.

Все наперебой принялись объяснять, как весной купили саженцы и спрятали их за сараем на даче Галины Леонидовны Костриковой. Она специально не стала обрезать в этом месте малину, чтобы разросшийся куст маскировал цветы. Для того, что бы их можно было безопасно пересадить, папа сколотил разборный ящичек для земли особой конструкции. Он приехал накануне, и с Олегом и Машей (Марину не взяли по причине токсикоза). Мужчины с трудом перенесли цветы в тяжелом ящике с соседнего участка на свой. Потом установили ящик в готовую траншею и аккуратно разобрали, чтобы ком земли с корнями не повредился. Решетка была наполовину ниже, папа ее надстроил вчера. А Маша подвязала выющиеся стебли растений до самого верха, да еще взяла незаметную зеленую тесьму.

– Ну, как, хорошо получилось? – спрашивал взволнованный Николай Николаевич, обращаясь то к жене, то к остальным.

– Потрясающе! – Елена Алексеевна расцеловала мужа.

– Фантастика! – Маша подошла и обняла обоих родителей.

– Обалдеть! – К ним присоединилась Марина, кстати ввернувшая папино словечко.

– Это надо запечатлеть! – размахивал аппаратом Олег, выбирая точку съемки. Он скомандовал Андрею. – Свояк, встань в кадр, только сзади и цветы не заслоняй.

– Ну, я вижу, с подарком все «в шоколаде», – пошутила подошедшая Галина Леонидовна.

Семейство расхохоталось, так забавно прозвучал жаргон Интернет-чатов в устах почтенной седой учительницы пенсионерки. Ни для кого не было секретом, что Галина Леонидовна с увлечением проводила время в «Интернете», общаясь под разными псевдонимами. Последнее время она увлеклась ведением собственной страницы «Что делать на пенсии», из содержания которой ясно было видно, что главное – не скучать. Раньше она обращалась за помощью к Марине, которая была системным администратором своего домашнего компьютера. А теперь ее консультировал внук Максим, поступивший на первый курс МВТУ имени Баумана. Он приехал к бабушке из Обнинска в прошлом году, когда стал учиться в лицее, и они очень подружились на почве «Интернета». «У меня – мировая бабушка!» – восхищался Максим.

Первый кадр получился лучше всех, но Марина не взяла его на экран компьютера из-за своей неудачной позы: в профиль уж сильно выдавался живот. А на других кадрах цветы заслонила фигура Пети с коробкой. В итоге Марина остановилась на клематисах крупным планом. Теперь этот фон радовал ей глаз на работе.

Хорошо, что Олег забыл сервиз дома! Когда Петя и Соня вручили имениннице свою коробку с сервизом дулевского фарфора, Олег хлопнул себя по лбу: «Ой, я забыл!»... – и был тут же остановлен предостерегающим взглядом Маши.

– Что забыл? – забеспокоилась мама. – Вроде все на столе есть. – Она окинула хозяйским взглядом большой дощатый стол, установленный под старой яблоней. И стол и скамейки сколотил лично папа.

– Э... забыл кетчуп захватить, хотел попробовать шашлык с кетчупом, – вывернулся Олег.

– Зачем кетчуп? У меня же маринад из помидоров, – обиделся папа.

– Действительно, не о чем жалеть. Вкус – изумительный. А теперь, может, споете, Николай Николаевич?

– Дядя Коля, спойте, – Петя, сидевший с краю, уже нес гитару. – Мама часто вспоминает, как вы пели у нас в гостях в мае.

Весной сбылась папина мечта посетить родной город, навестить родню и столетний дедовский дом. Родители Марины ездили в Новосибирск на открытие мемориальной доски на школе, где работала директором папина мама Анна Петровна. Совершенно не пьющий, Николай Николаевич умел быть душой компании: шутил, танцевал, но лучше всего – пел под гитару. И он, и мама были большими любителями песен, особенно – бардов. Они по двум тактам могли отличить Никитина от Дольского, знали, что автор песни «Парижанка» не Шуфутинский, а Митяев, и застолье с песнями Высоцкого было для них обычным делом. На папином юбилее в прошлом году они с друзьями юности просидели с гитарой до самого утра.

Папа, конечно, начал с песни Бориса Вахнюка «Я расскажу тебе много хорошего...» Он всегда пел ее для мамы в день рождения. Семейное предание гласило, что эта песня стала признанием в любви сибирского строителя к московской студентке-стройотрядовке. Голос папы, несильный, но приятный, звучал так нежно и проникновенно, что на последних словах, у мамы, как всегда, стали влажными глаза. «Доброю песнею выюгу развею я, чтобы растаяли льдиночки глаз, и расскажу тебе, если сумею я, как я люблю тебя, тысячу раз». С последним аккордом на даче Белых наступила тишина. Но через минуту посыпались заказы:

– «Виноградную косточку»!

– «Зеленоватые глаза»!

– «При лужке, лужке...», пожалуйста!

– Спойте вдвоем «Мне нравится...»!

– Постойте, девочки, пусть мама выберет первой.

– Коля, я вспомнила, что мы не пели сто лет. «Уходят вдаль московских улиц ленты...» – гимн Первого медицинского. Тем более, что теперь и Машенька стала врачом.

– Что-то я аккорды не помню. Может, Андрюша подберет? – Николай Николаевич дал гитару зятю.

Андрей не стал ломаться, он прекрасно владел гитарой.

– Вы начните, а я подберу, я ее, кажется, слышал по радио.

Мама запевала, папа вторил ей, Галина Леонидовна удачно взяла третий голос. Андрей присоединился к пению на втором припеве. Его красивый звучный баритон настолько усилил звучание, что над заборами всех соседних дач показались головы хозяев. К концу песни уже подпевали все, даже Олег, немного фальшивя, подхватил строчку «...Пускай сегодня мы еще студенты, а завтра – настоящие врачи». Застолье под яблоней получилось уютным и дружным. Но Марина рано почувствовала усталость, вдруг так захотелось спать, что она зевнула посреди

песни. Мама пыталась оставить дочку ночевать, хотя домик был явно мал для всех гостей, Галина Леонидовна зазывала к себе, но Марина решила ехать домой. Андрей тут же подхватил сумку, они попрощались и уехали.

«Вот оно как, если большая семья, – думала Марина в машине. – И поработать, и по праздновать есть с кем. А скоро еще двое прибавятся. Придется папе стол надставлять». И суеверно добавила: «Если все будет хорошо».

Она вспомнила разговор с Олегом на последнем обеде у Краснова. Пока Маша ходила смотреть очередные Юлины приобретения для ребенка, а Андрей что-то горячо обсуждал с отцом, Марина захотела выйти на свежий воздух. Олег сразу поднялся и предложил ей руку. Одно слово – Князь! Но оказалось, что прогуляться он пошел не только из вежливости. Как только они немного отошли от крыльца по дорожке с цветочным бордюром, он заговорил:

– Марина, я очень боюсь за Машу. Как ты думаешь, она справится с родами? Я читал, что кесарево сечение считается менее опасным для женщины. Но Маша и слышать об этом не хочет. А я столько нашел в Интернете про патологии в родах! Там даже есть проценты смертности...

Марине стало понятно беспокойство, которое, порой сквозило во взгляде Олега, обращенном на жену.

– А ты меньше читай всякой ерунды! – в сердцах напустилась она на Олега на правах старого друга. – Не будешь думать о плохом, оно и не случится. И почему ты ко мне пришел за утешением? Я, если ты мог заметить, в таком же положении.

– О, нет, Марина, что ты! Это к тебе не относится. Ты же прекрасная спортсменка, всегда в отличной форме, выглядишь просто великолепно. А Маша – такая хрупкая, слабая. Тебе не кажется, что она побледнела? Может, у нее железодефицитная анемия? Впрочем, по последним анализам – все в норме.

Марина просто онемела от такой упертости. Вот уж – «с точностью до наоборот»: Маша чувствовала себя прекрасно, а Марину донимал токсикоз, отступивший только сегодня под влиянием Юлиной таблетки. Конечно, ради праздника Марина употребила больше косметических средств, а Маша, кажется, вообще не накружилась, но нельзя же быть совсем слепым. Она уже хотела ответить очень ехидно, но, к счастью, слова застряли на ее языке. «Он думает о своей матери», – догадалась она. Они остановились, Марина хотела взглянуть Олегу в лицо, но он опустил голову.

– Понимаешь, Марина, я думаю о маме, – глядя в землю, глухо проговорил Олег. – Ты, наверное, не знала, что моя настоящая мама умерла при родах. А потом мы с папой встретили и полюбили Наталью Васильевну. Сначала я называл ее «мама Наташа», а потом – просто «мама». Сейчас у меня нет ни отца, ни мамы...

Олег замолчал, но недосказанные тревожные слова как будто повисли в воздухе. Марина уже давно знала, кем приходилась Олегу покойная Наталья Васильевна, но держала свои сведения при себе.

– Олег, – как можно мягче сказала она, – успокойся. Вспомни, лучше, сколько лет было твоей маме?

– Мама была моложе папы всего на два года. Значит, ей было тогда тридцать шесть лет, – Олег поднял на Марину свои бесподобные васильковые глаза, в которых уже не было уныния и страха. – Ну, конечно! Какой же я дурак! Ведь Машеньке всего двадцать четыре! А статистика для возраста до тридцати лет гораздо лучше, как же я не учел? Марина, я всегда говорил, что ты – редкая умница. Дай я тебя расцелую!

– Ого! Стоит оставить жену на минутку, как ее уже целуют! И кто? – Ярославский! Свояк, ты часом не перепутал, на ком женат? – подошедший сзади Андрей принял грозный вид и, насунив темные брови, навис над Олегом, пользуясь преимуществом в росте.

– А ты не оставляй, – невозмутимо парировала Марина. – А то вообще уведут.

Марина отшутилась и не пересказала Андрею содержание разговора с Князем. Она не могла раскрыть перед мужем свои страхи, как уверяла мама, беспричинные и свойственные всем беременным. Но иногда серьезно размышляла, что будет с ребенком, если она умрет в родах? Должен ли он жить с отцом? А вдруг Андрей женится? Или лучше пусть его забереет Маша и вырастит вместе со своим? От этих мыслей ее отвлек зашевелившийся мальчик. «Дура! – обругала она себя. – Хватит думать обо всяких ужасах, адреналин попадает в кровь ребенка, еще заикаться начнет. Нас родили – и мы родим, другого способа нет».

Марина отмела тревожные мысли, но какое-то беспокойство осталось. «Не пора ли включить сотовый? – Марина взглянула на экран. – Ничего себе! Юля Грибова звонила 5 раз, но сообщения не оставила». Марина отправила СМС «Что случилось?» и получила ответ почти сразу, как будто Юля сидела и ждала ее сигнала. «Можно я к тебе приеду?» – «Конечно» – «Ты скоро будешь дома?» – «Через полчаса» – «Жду. Не говори Краснову». Последняя фраза так озадачила Марину, что она забыла о всякой усталости. «Не говорить которому: старшему или младшему? Что характерно, Юля никогда не называла по фамилии ни того, ни другого. И где она, интересно, меня ждет? У двери квартиры?»

Вопрос прояснился, когда подъехали к дому. Среди припаркованных вдоль дома машин стоял Юлин новехонький «Мерседес», а сама она расхаживала взад и вперед неподалеку. Ее водитель, стоя у машины, бдительно поворачивался то в ту, то в другую сторону. Увидев, как Андрей помогает Марине выйти из машины, она быстро отступила за дерево и принялась делать Марине какие-то знаки.

«Дело нешуточное», – подумала Марина и попросила Андрея сразу после гаража зайти за яблоками, так как купленные вчера уже кончились. Андрей сначала проводил Марину до квартиры, потом отправился ставить машину. Марина запустила взволнованную Юлю.

– У нас примерно двадцать минут, – с ходу предупредила она. – Говори, что у тебя случилось? Анализы плохие? Хочешь, с мамой поговорю, она по своим знакомым перепроверит.

– Анализы? Какие? Нет, все в порядке, слава Богу. Просто я хочу порвать с Красновым.

– Как!?

– Раз и навсегда. Я больше не желаю иметь с ним ничего общего. Я хочу скрыться на время, у меня уже вещи уложены, а ты передашь ему письмо, но не сразу, а через три дня.

* * *

«Как же мне не хватает бабушки! Она тяжело болела последний год. Мне нравилось за ней ухаживать. Она никогда не жаловалась и, пока шевелились руки, старалась что-то делать. У меня остались носки в полоску. Она вязала их для меня из остатков пряжи. Руки уже не слушались, но она упорно цепляла спицами разноцветные нитки. Я просила ее бросить, отдохнуть, но она все равно вязала. Когда завершила последний носок, то больше уже не встала. Я садилась рядом с ее кроватью, брала в свои руки ее худенькие ладошки, и мы разговаривали. Она всегда понимала меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.